DOI 10.31250/2618-8600-2025-2(28)-90-121
УДК 159.922.1

В. Н. Буркова
к.и.н., с.н.с., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4777-0224
E-mail: burkovav@gmail.com

М. Л. Бутовская
чл.-корр. РАН, д.и.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5528-0519
E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

О. В. Семенова
к.и.н., н.с., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0015-243X
E-mail: m4248296@yandex.ru

Г. Т. Амиргалина
магистр, н.с., Кызылординский университет имени Коркыт Ата
Кызылорда, Казахстан
ORCID: 0000-0002-4639-731X
E-mail: amirgalina81@mail.ru

А. Б. Галимханов
к.ю.н., доц., Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия
ORCID: 0000-0002-0052-2912
E-mail: alflaw@mail.ru

А. И. Егорова
к.псх.н., доц., директор, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия
ORCID: 0000-0002-7985-4134
E-mail: aidaego@mail.ru

Р. И. Зинурова
д.соц.н., директор, зав. кафедрой, Казанский национальный исследовательский технологический университет
Казань, Россия
ORCID: 0000-0001-8689-5332
E-mail: rushazi@rambler.ru

V. Burkova
N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4777-0224
E-mail: burkovav@gmail.com

M. Butovskaya
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5528-0519
E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

O. Semenova
N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0015-243X
E-mail: m4248296@yandex.ru

G. Amirgalina
Korkyt Ata Kyzylorda State University
Kyzylorda, Kazakhstan
ORCID: 0000-0002-4639-731X
E-mail: amirgalina81@mail.ru

A. Galimkhanov
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia
ORCID: 0000-0002-0052-2912
E-mail: alflaw@mail.ru

A. Egorova
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia
ORCID: 0000-0002-7985-4134
E-mail: aidaego@mail.ru

R. Zinurova
Kazan National Research Technological University
Kazan, Russia
ORCID: 0000-0001-8689-5332
E-mail: rushazi@rambler.ru

Мужские и женские роли у современной молодежи тюркоязычных народов (башкиры, казахи, татары и якуты)[1]

АННОТАЦИЯ. В индустриальных обществах происходит изменение традиционных половых ролей в семье, домашнем хозяйстве и на работе. Цель исследования — сравнительная оценка представлений о мужских и женских ролях среди молодежи тюркоязычных народов: башкир, казахов, татар и якутов. Данные собраны среди студентов в трех регионах России — Башкортостане (г. Уфа), Татарстане (г. Казань), Республике Саха (Якутия) (г. Якутск) — и в одном регионе Казахстана (г. Кызылорда). Общая выборка составила 986 чел. Полученные результаты показывают, что наибольшее влияние на фактор гендерного равенства оказывает пол: по всем вопросам женщины демонстрируют более профеминистские взгляды, чем мужчины. Наиболее традиционными в нашей выборке были казахи (как мужчины, так и женщины), а наиболее профеминистскими — якуты. Это распределение сильно зависело от фактора религии — наиболее традиционными взглядами обладали мусульмане, наиболее феминистские ответы получены от атеистов. Важным фактором было место проживания респондента до 18 лет: городские жители имеют более профеминистские взгляды, чем деревенские. Выявлена связь между уровнем тревожности и фактором гендерного равенства как у мужчин, так и у женщин: респонденты с минимальным уровнем тревожности придерживались более традиционных взглядов (наименьшие баллы наблюдались у казахов), тогда как средний и высокий уровни тревожности демонстрировали мужчины с феминистскими ответами (наибольшие значения у якутов). Данный результат может указывать на то, что изменения и перестройка традиционных взглядов несут в себе потенциальные риски для психологического здоровья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мужские и женские роли, гендерное равенство, равенство полов, тюрки, башкиры, казахи, татары, якуты, религия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Семенова О. В., Амиргалина Г. Т., Галимханов А. Б., Егорова А. И., Зинурова Р. И. Мужские и женские роли у современной молодежи тюркоязычных народов (башкиры, казахи, татары и якуты). *Этнография*. 2025. 2 (28): 90–121. DOI: 10.31250/2618-8600-2025-2(28)-90-121

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 24-28-01639 (URL: https://rscf.ru/project/24-28-01639/).

Male and Female Roles among Modern Youth of Turkic-Speaking Populations (Bashkirs, Kazakhs, Tatars, and Yakuts)

A B S T R A C T. In industrial societies, traditional gender roles within the family, household, and workplace are undergoing significant transformation. This study examines gender role perceptions among contemporary youth from Turkic-speaking populations, specifically Bashkirs, Kazakhs, Tatars, and Yakuts. Data were collected from university students in three regions of Russia (Ufa in Bashkortostan, Kazan in Tatarstan, and Yakutsk in the Sakha Republic) and one region of Kazakhstan (Kyzylorda), comprising a total sample of 986 participants. The findings indicate that gender is the most significant predictor of attitudes toward gender equality: women consistently exhibited more pro-feminist perspectives than men across all measured dimensions. Among the ethnic groups studied, Kazakh respondents held the most traditional views, while Yakuts demonstrated the most pro-feminist attitudes. These patterns were closely associated with religious affiliation: Muslim participants expressed more traditional views, whereas atheists showed the highest levels of support for gender equality. Additionally, place of residence before the age of 18 emerged as a key factor, with urban respondents reporting more progressive gender views than their rural counterparts. A correlation was also observed between levels of anxiety and gender attitudes: individuals with minimal anxiety tended to hold more traditional views (lowest scores among Kazakhs), while those with moderate to high anxiety were more likely to express feminist positions (highest scores among Yakuts). These results suggest that shifting traditional gender norms may be accompanied by psychological challenges for some individuals.

K E Y W O R D S: gender roles, gender equality, Turkic peoples, Bashkirs, Kazakhs, Tatars, Yakuts, religion

F O R C I T A T I O N: Burkova V., Butovskaya M., Semenova O., Amirgalina G., Galimkhanov A., Egorova A., Zinurova R. Male and Female Roles among Modern Youth of Turkic-Speaking Populations (Bashkirs, Kazakhs, Tatars, and Yakuts). *Etnografia*. 2025. 2 (28): 90–121. (In Russian).
DOI: 10.31250/2618-8600-2025-2(28)-90-121

ВВЕДЕНИЕ

Половой диморфизм — одна из фундаментальных и постоянных характеристик человеческой эволюции, а половое разделение труда в той или иной форме существует в любом человеческом обществе (Кон 1981). Полоролевые ожидания и связанная с ними оценка маскулинности/феминности формируются с раннего детства: ребенок имитирует поведение представителей своего пола (прежде всего родителей); взрослые одобряют мальчиков за поведение, которое можно считать мальчишеским, и осуждают, если они ведут себя «как девочки», тогда как девочек поощряют, если они ведут себя женственно, и ругают за мужское поведение (Кон 1981; Sears et al. 1965). Ребенок сначала усваивает половую идентичность, определяя себя в качестве мальчика или девочки, а затем старается вести себя так, чтобы, по его мнению, соответствовать такому определению (Kohlberg 1966).

Половое разделение труда базируется на представлении о том, какие виды деятельности в каждом конкретном обществе относятся к мужским, а какие — к женским (Блохина 2003). Во многих культурах нормативные ожидания для мужчин и женщин различаются, более того — желательным является, чтобы мужские и женские роли были разными. Зачастую от распределения мужских и женских ролей в обществе зависит выживание популяции (Бутовская 2013; Semenova et al. 2021). Полоролевой подход как научная теория противопоставляет мужчин и женщин, делая акцент на том, что все различия между ними (социально-психологические характеристики, роли, язык, стиль поведения и др.) обусловлены биологией (полом). В рамках полоролевого подхода считается, что у каждого пола есть свое предназначение, свои модели поведения, реализация которых на практике обеспечивает как успешность отдельной личности, так и процветание общества (Гусева 2007). В традиционных обществах наличие различий между ролями в поведении мужчин и женщин является частью адаптивных практик, сформированных по принципу оптимизации распределения ролей в социуме, которые способствуют его успешному выживанию и процветанию.

Представления о мужских/женских ролях и связанные с ними стереотипы являются предметом исследований на протяжении десятилетий. Наиболее распространенный подход представляет социальные роли мужчин и женщин как социальный опыт, кардинально отличающийся с раннего детства, причем эта разница сконструирована и навязана обществом (Zinkina et al. 2024). Ценности, которые соответствуют мужским и женским ролям, формируются как социальные стереотипы, усваиваются в детстве и в более позднем возрасте интернализируются как личные ценности (Bell, Burkley 2014; Zinkina et al. 2024). В индустриальных обществах происходит изменение традиционных стилей жизни,

трансформируются традиционные мужские и женские роли в семье, домашнем хозяйстве и на рабочем месте (Inglehart, Norris 2003). Теория социальных ролей предполагает, что по мере того, как традиционные роли размываются, традиционные половые различия в ценностях должны постепенно исчезать или значительно ослабевать, однако в реальности мы видим обратное: половые различия наиболее выражены в европейских и американских культурах, где, казалось бы, традиционные роли сведены к минимуму (Connolly et al. 2020; Costa et al. 2001; Zinkina et al. 2024). Несмотря на процессы модернизации и глобализации, современные общества значительно различаются по континууму гендерного равенства, хотя имеют и стабильные характеристики, наблюдаемые повсеместно, например, касающиеся взаимоотношений между парами и любви (Sorokowski et al. 2023). Судя по всему, половые различия в ценностях содержат определенные базовые универсалии, сохраняющиеся и в современных обществах, несмотря на их социально-экономическое развитие и технологический прогресс. Культурные изменения вытекают из процессов модернизации, демократизации, эмансипации, гендерных сдвигов и растущего гендерного равенства, однако не всегда ведут к положительным изменениям. Так, в одном из последних исследований наблюдалось отчетливое снижение средних уровней любви и близости в парах из стран, которые достигли относительно высокого уровня модернизации, при этом в коллективистских странах при сравнении с индивидуалистскими уровень близости в парах был выше (Sorokowski et al. 2023).

Каждая научная дисциплина, опираясь на базовую дихотомию «пол — гендер», вносит свою, отражающую специфику и задачи науки, коннотацию в категорию «гендер» (по истории этого вопроса см.: Гусева 2007; Пушкарева, Большакова 2020). Так, например, в исторических дисциплинах существует понятие «гендерная история», в проблемном поле которой гендер рассматривается как комплекс символов, описывающих мужчину и женщину в культуре, социальные нормы и институты, характеризующие социальные отношения; гендерную идентичность как проблему самовыражения. Социальная психология трактует гендер как совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола (Гусева 2007). Отечественный социальный психолог И. С. Клецина предлагает такую дефиницию: «Гендер — специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой» (Клецина 2004: 71). В рамках данной статьи мы будем понимать под гендером совокупность социальных норм, определяющих допустимые и желательные проявления поведения для представителей мужского и женского полов в обществе, а под гендерным равенством подразумевать равенство полов. Особо отметим, что полученные нами результаты

не используются для конструирования каких-либо гендерных теорий или обоснования идей социального гендера, а лишь фиксируют современные взгляды и представления молодежи о месте мужчин и женщин в обществе с учетом культурной специфики.

Целью данного исследования является сравнительная оценка представлений о мужских и женских ролях среди молодежи у четырех народов, объединенных тюркским происхождением, — башкир, казахов, татар и якутов. Таким образом, главной темой исследования является оценка современных представлений об ожидаемом поведении мужчин и женщин в разных сферах деятельности в изучаемых группах. Кроме того, нас интересует, как на представления о равенстве полов влияют религиозная принадлежность, место рождения и проживания в детстве (город или деревня), уровень личной тревожности. Данные этносы в историческом прошлом традиционно имели сходные типы хозяйства (полукочевой образ жизни), патрилинейную систему родства, патрилокальную систему поселения брачных пар и в целом характеризовались патриархальным укладом жизни. Результаты модернизации в период СССР также были общими для исследуемых этнических групп. При этом одним из существенных результатов явилось кардинальное изменение социального статуса женщины. В то же время важно отметить, что названные группы не являются типичными представителями западного общества — среди составивших выборку людей очень высок интерес к культурным корням, языку и традициям во всех сферах жизни. Например, в Республике Башкортостан после периода трансформации российского общества рубежа XX–XXI вв. наблюдается активное движение к традиционализму, ряд авторов отмечают ведущую роль религии в семейной жизни башкир и высокую сохранность семейных ценностных ориентиров (Терелецкова 2007). В Якутии возрождаются традиционные религии, которые были распространены до прихода русских на эту территорию (Якуты Саха 2024). Патриархатный ренессанс в казахской семье также является частью общего процесса в обществе переходного периода (Кусаинов, Аюпова 2022). Таким образом, в исследовании мы скорее делаем акцент на выявление установок и практик, указывающих на усиление процессов, которые укладываются в парадигму неотрадиционализма в этих обществах.

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2024 г. нами было проведено кросс-культурное онлайн-исследование с использованием сервиса Google-форма, размещенная в сети Интернет анкета содержала открытые, полуоткрытые и закрытые вопросы. Участники исследования перед началом опроса давали письменное добровольное согласие, протокол исследования утвержден Этическим комитетом Института этнологии и антропологии Российской академии наук

(Протокол от 22.09.2022 № 11) в соответствии с принятыми международными нормами.

Опрос проходил среди студентов различных вузов в трех регионах России: Башкортостане (г. Уфа), Татарстане (г. Казань), Республике Саха (Якутия) (г. Якутск), а также в Кызылординской области Казахстана — г. Кызылорде. Таким образом, выборка представлена двумя крупными городами — Казань (1 318 604 чел.) и Уфа (1 163 304 чел.), двумя городами поменьше — Якутск (367 667 чел.) и Кызылорда (315 550 чел.). Первые три населенных пункта являются республиканскими столицами, Кызылорда — административный центр области южного Казахстана. Выбор мест отчасти обусловлен внешними факторами (в Якутии, например, не существует большего по размеру города, чем Якутск, и именно он является столицей республики), а также возможностями авторов исследования (доступом к респондентам).

Изначальная выборка составила 1 221 чел., однако для целей данной работы из нее были удалены ответы представителей всех прочих, помимо тюркских, этносов. Важно отметить, что этническая принадлежность (так же, как и религиозная) основывалась на оценках самих респондентов, таким образом, мы не можем исключить, что в конечную выборку могли попасть дети от смешанных браков, по тем или иным причинам указавшие свою этничность по одному из родителей или основываясь на личных факторах. Итоговая выборка данного исследования составила 986 чел. (табл. 1). Важно отметить, что среди респондентов не было ни одного человека, который отметил бы свой пол как «другой». Отдельно фиксировались сведения о месте проживания в детстве (получены при заполнении пункта «Укажите место, в котором прошла большая часть Вашего детства и юношества (до 18 лет)»). Эти данные в дальнейшем также показали определенные корреляции с другими ответами респондентов.

Таблица 1

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫБОРОК

Этничность	**Кол-во**	**Мужчины**	**Женщины**	**Возраст средний (стандартное отклонение)**	**Место проживания (город/деревня)**
Башкиры	155	98	57	24,96 (10,84)	95/60
Казахи	335	182	153	20,89 (6,96)	179/156
Татары	340	137	203	26,85 (32,51)	268/72
Якуты	156	34	122	21,14 (3,98)	49/107
ИТОГО	**986**	**451**	**535**	**23,62** (20,21)	591/395

Башкиры — тюркский этнос Южного Урала, районов Приуралья и Зауралья и прилегающих с юга степей. Башкирский язык включен в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы тюркской языковой

семьи. Традиционное занятие башкир — скотоводство, религия — языческие верования (тенгрианство — древняя религия тюркских народов). С X в. в Башкирии распространился ислам суннитского толка (Башкиры 2015; Бикбулатов и др. 2002). В нашей выборке по религиозному составу ответы башкир распределились следующим образом: 9 % — православие, 67 % — ислам, 24 % — атеисты. Важно отметить, что религиозная принадлежность также определялась на основе самооценки респондентов.

Казахи — тюркский этнос, проживающий в Казахстане, а также в смежных с республикой районах Китая, Узбекистана, России, Туркменистана, Кыргызстана. Казахский язык входит в кыпчакско-ногайскую подгруппу кыпчакской группы тюркской языковой семьи. Традиционное занятие — скотоводство. Большинство верующих казахов — мусульмане суннитского толка, традиционной религией также было тенгрианство (Казахи 2021). В нашей выборке по религиозному составу ответы казахов распределились следующим образом: 95 % — ислам, 4 % — атеисты, 0,5 % — православие, 0,5 % — иные верования.

Татары — тюркский этнос Поволжья и Приуралья, а также Сибири, Казахстана, Средней Азии и др. Татарский язык включен в поволжско-кыпчакскую подгруппу кыпчакской группы тюркской языковой семьи. Традиционное занятие татар — скотоводство. По религиозному составу татары в основном мусульмане-сунниты, также есть небольшая группа православных (кряшены) (Татары 2024). В нашей выборке по религиозному составу ответы татар распределились следующим образом: 36 % — православие, 1 % — католики и протестанты, 34 % — ислам, 1 % — буддизм, 27 % — атеисты, 1 % — иные верования. Поскольку источниками данных об этнической и религиозной принадлежности была оценка самих респондентов, мы не исключаем того, что в итоговой выборке в группу православных татар могли попасть и дети от смешанных браков, где один из родителей русский (скорее всего, православный). Это может объяснить большой процент православных респондентов в татарской выборке, несколько отличающийся от официальных статистических данных.

Якуты — тюркский этнос, коренное население Якутии. Якутский язык относится к тюркской языковой семье, в которой образует отдельную ветвь. Традиционное занятие якутов — скотоводство. До прихода русских были распространены язычество, шаманизм и тенгрианство, которое и по сей день играет важную роль в верованиях якутов. Традиционная якутская религия Айыы официально зарегистрирована в Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) с 2012 г. (Якуты Саха 2024). В нашей выборке по религиозному составу ответы якутов распределились следующим образом: 7 % — православие, 1 % — буддизм, 42 % — атеисты, 50 % — иные верования (язычество).

Для проведения исследования был использован комплекс методов. Основной упор сделан на кросс-культурном сравнении полученных

полевых данных, поскольку главной задачей исследования ставилась оценка современных представлений молодежи об ожидаемом поведении мужчин и женщин в разных сферах деятельности с учетом культурной специфики. Мы использовали методы психологии в рамках проведения опросов, методы кросс-культурной психологии для сравнительного исследования выбранных групп, методы антропологии для объяснения полученных результатов и их интерпретации.

В исследовании была использована короткая версия опросника «Отношение к женщинам» (Attitudes Toward Women Scale (AWS) (Spence et al. 1973), 25 вопросов которого представлены в виде утверждений, описывающих роли и модели поведения во всех основных областях деятельности, где нормативные ожидания могли бы быть одинаковыми для мужчин и женщин. Данный опросник отражает определенные культурные особенности, связанные со стандартами мужского и женского поведения в обществе, местом женщины в семье и обществе (профессиональная, образовательная и интеллектуальная деятельность, нормы сексуального поведения). Например, оценивалось утверждение: «Женщины должны меньше беспокоиться о своих правах и больше о том, чтобы быть хорошими женами и матерями» (от оценки «абсолютно не согласен», соответствующей 1 баллу, до «абсолютно согласен», 4 балла) (см. табл. 2). Суммарный балл по данному опроснику отражает динамику перехода от традиционного взгляда (минимальные оценки) до максимально профеминистского (максимальные оценки). Сумма всех баллов на основе 25 утверждений опросника формирует фактор «Равенство полов/Гендерное равенство». Коэффициент внутренней согласованности опросника имел высокую степень надежности и составил $\alpha = 0{,}820$ (альфа Кронбаха) для общей выборки, а для региональных выборок его значения варьировали следующим образом: башкиры — $\alpha = 0{,}808$; казахи — $\alpha = 0{,}707$; татары — $\alpha = 0{,}834$; якуты — $\alpha = 0{,}895$.

Уровень тревожности определен с использованием опросника генерализованного тревожного расстройства (ГТР-7) (Spitzer et al. 2006). ГТР-7 состоит из семи пунктов, описывающих симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Тревога оценивается по 4-балльной шкале Ликерта (от 0 до 3, где 0 означает, что описанные ощущения не были зафиксированы, а 3 — что они отмечаются респондентом почти каждый день). Сумма баллов по всем пунктам дает представление об уровне тревожности: 0–4 — минимальный, 5–9 — умеренный, 10–14 — средний, 15–21 — высокий. Коэффициент согласованности шкалы составил $\alpha = 0{,}949$ (альфа Кронбаха) для общей выборки, а для региональных выборок имел следующие значения: башкиры — $\alpha = 0{,}936$; казахи — $\alpha = 0{,}923$; якуты — $\alpha = 0{,}916$ (по техническим причинам ГТР-7 не была использована в татарской выборке).

Статистическая обработка и визуализация данных проведены с использованием пакета SPSS 27 и Python.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Однофакторный двусторонний дисперсионный анализ (общие линейные модели (GLM ANOVA) показал значимые главные эффекты переменных «этнос» ($F=37{,}695$; $p<0{,}001$; $\text{Eta}^2=0{,}103$), «пол» ($F=78{,}768$; $p<0{,}001$; $\text{Eta}^2=0{,}138$), «религия» ($F=28{,}294$; $p<0{,}001$; $\text{Eta}^2=0{,}188$), «место проживания в детстве» ($F=17{,}664$; $p<0{,}001$; $\text{Eta}^2=0{,}018$) и «тревожность» ($F=2{,}932$; $p<0{,}001$; $\text{Eta}^2=0{,}118$) для фактора «Равенство полов». Таким образом, наибольшую значимость для данного фактора имел пол респондентов, далее шли религия и этнос, место проживания в детстве. Менее всего на данный фактор влияла личная тревожность респондента.

Гистограмма плотности распределения значений фактора «Равенство полов» в четырех этнических группах демонстрирует, что самыми традиционными в вопросах равенства полов были казахи, средние позиции заняли татары и башкиры, а самые профеминистские ответы давали якуты (рис. 1).

Общие медианные значения с распределением по половому признаку представлены на рис. 2 и демонстрируют более высокие баллы по шкале

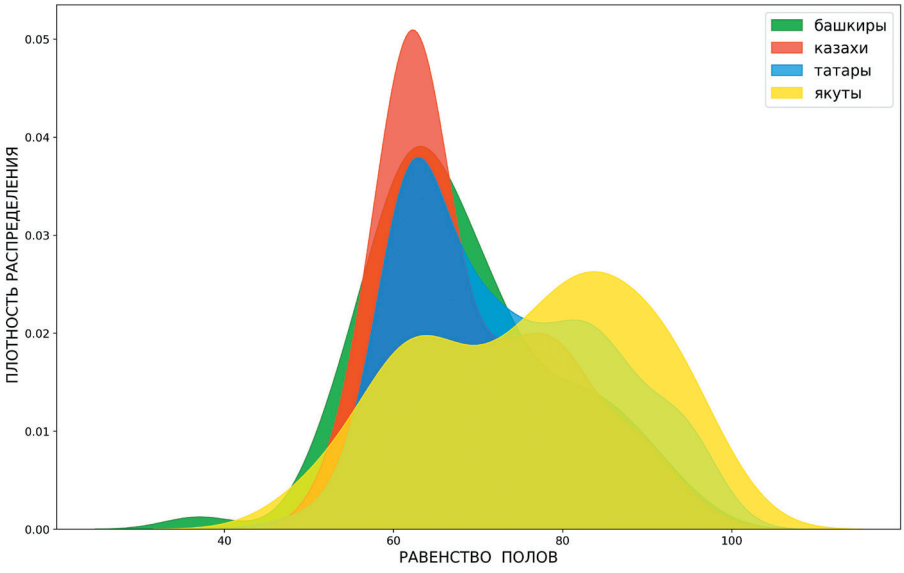

Рис. 1. Гистограмма распределения значений фактора «Равенство полов» в четырех этнических группах

Fig. 1. Histogram on the distribution of “Gender equality” scores across four ethnic groups

«Равенство полов» у женщин по сравнению с мужчинами во всех выборках. Надо отметить, что мужчины мало отличались друг от друга в четырех исследуемых культурах, лишь якуты показывали чуть более высокие средние оценки (рис. 2).

Одномерный дисперсионный анализ (сравнение средних) показал наличие значимых половых различий по всем вопросам, кроме одного, в опроснике «Отношение к женщинам». Мы не приводим статистических данных по каждому из 25 вопросов, так как по ним были получены значимые половые различия, а средние оценки показали, что женщины по всем вопросам, касающимся как экономического и юридического характера, так и домашних и бытовых дел, продемонстрировали более высокую нагрузку (см. рис. 2). Это указывает на значительно выраженную феминистскую ориентированность женщин во всех исследованных выборках по сравнению с мужчинами и стремление женщин к большему равноправию между полами. Единственный вопрос, по которому различий не наблюдалось, имел следующую формулировку: «Инициатива предложения вступления в брак со стороны женщины должна быть столь же естественной, как и с мужской».

Одним из факторов, повлиявшим на полученные результаты, несомненно, является воздействие модернизации в СССР. Этот процесс был общим для выбранных этнических групп, одним из существенных итогов которого явилось кардинальное изменение (повышение) социального

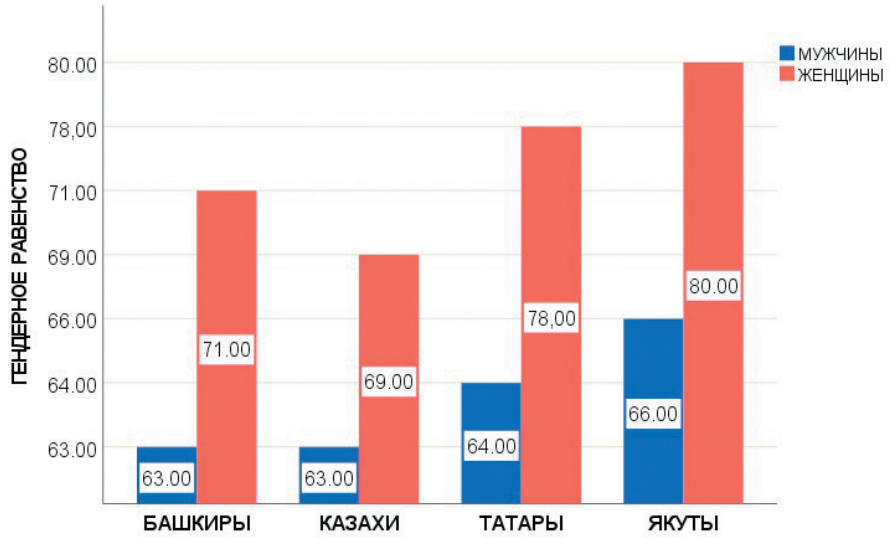

Рис. 2. Половые и этнические различия по фактору «Равенство полов»

Fig. 2. Gender and ethnic differences in “Gender equality” scores

статуса женщины, что и продемонстрировали ответы девушек в проведенном опросе. Наличие сходства в установках женщин может быть связано с особенностями социализации в семье, поскольку родители всех наших респондентов жили и воспитывали своих детей в советский период.

Наибольший интерес представляют этнические различия, которых было на порядок меньше (табл. 2). У мужчин такие отличия наблюдались всего по двум вопросам. Мужчины-якуты в большей степени соглашались с утверждением, что женщины, зарабатывающие столько же, сколько их партнеры, должны в равной степени нести расходы, когда они встречаются; тогда как казахи чаще всех были против такого утверждения. Кроме того, якуты оказались и самыми терпимыми в вопросе отношения к добрачному сексу: мужчины-якуты чаще других отмечали, что это приемлемо, тогда как наиболее консервативные из четырех групп казахи настаивали, что женщин следует активно поощрять к тому, чтобы они сохраняли невинность до вступления в брак (табл. 2).

Таблица 2

ЭТНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ВЫБОРКАХ ПО ВОПРОСАМ, ВХОДЯЩИМ В КОНСТРУИРУЕМЫЙ ФАКТОР «РАВЕНСТВО ПОЛОВ», В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА

Вопрос	**Выборка**	**Средние**	***SD***	***F*-критерий**	***df***	***p***	**Eta²**
Мужчины							
11. Женщины, зарабатывающие столько же, сколько их кавалеры, должны в равной степени нести расходы, когда они встречаются	башкиры	2,81	1,01	2,738	3	**0,044**	0,026
	казахи	2,58	1,13				
	татары	2,90	0,97				
	якуты	3,33	0,72				
17. Женщин следует поощрять к тому, чтобы они ни с кем не вступали в сексуальную близость до вступления в брак, даже со своими женихами	башкиры	2,39	1,07	3,253	3	**0,022**	0,031
	казахи	2,10	1,13				
	татары	2,55	1,07				
	якуты	2,87	1,19				
Женщины							
4. Рассказывать пошлые анекдоты должно быть в основном мужской прерогативой	башкиры	2,75	1,18	2,684	3	**0,046**	0,019
	казахи	3,01	1,08				
	татары	3,06	1,08				
	якуты	3,31	0,99				

Таблица 2 (продолжение)

Вопрос	Выборка	Средние	*SD*	*F*-критерий	*df*	*p*	Eta^2
6. В современных экономических условиях, когда женщины ведут активную жизнь вне дома, мужчины должны участвовать в выполнении домашних обязанностей, таких как мытье посуды и стирка	башкиры	3,26	1,03	3,709	3	**0,012**	0,026
	казахи	2,94	1,08				
	татары	3,28	0,93				
	якуты	3,38	0,86				
7. Для женщин оскорбительно, что в семейной жизни сохраняется правило «повиноваться»	башкиры	3,19	1,03	5,141	3	**0,002**	0,035
	казахи	2,93	1,17				
	татары	3,39	0,94				
	якуты	3,35	0,86				
8. При назначении на работу и продвижении по службе должна существовать строгая система заслуг без учета пола претендента	башкиры	3,32	1,00	5,923	3	**<0,001**	0,041
	казахи	3,03	1,11				
	татары	3,51	0,86				
	якуты	3,45	0,87				
11. Женщины, зарабатывающие столько же, сколько их кавалеры, должны в равной степени нести расходы, когда они встречаются	башкиры	2,30	1,09	4,298	3	**0,005**	0,030
	казахи	2,68	1,09				
	татары	2,47	1,04				
	якуты	2,91	0,96				
13. Женщина не должна ожидать, что будет посещать точно такие же места или иметь такую же свободу действий, как и мужчина	башкиры	2,82	1,20	5,640	3	**<0,001**	0,039
	казахи	2,36	1,24				
	татары	2,94	1,17				
	якуты	2,91	1,13				
15. Смешно, когда женщина управляет локомотивом, а мужчина штопает носки	башкиры	3,00	1,12	3,080	3	**0,027**	0,021
	казахи	2,89	1,15				
	татары	3,16	1,11				
	якуты	3,38	0,91				

Таблица 2 (окончание)

Вопрос	Выборка	Средние	*SD*	*F*-критерий	*df*	*p*	Eta²
17. Женщин следует поощрять к тому, чтобы они ни с кем не вступали в сексуальную близость до вступления в брак, даже со своими женихами	башкиры	2,84	1,16	12,370	3	**<0,001**	0,081
	казахи	2,44	1,18				
	татары	3,22	1,01				
	якуты	3,06	0,98				
18. Закон не должен отдавать предпочтение мужу перед женой в распоряжении семейным имуществом или доходом	башкиры	2,91	1,21	2,652	3	**0,048**	0,019
	казахи	2,62	1,16				
	татары	3,00	1,18				
	якуты	2,98	0,96				
19. Женщины должны быть озабочены своими обязанностями по рождению детей и уходу за домом, а не стремлением к профессиональной и деловой карьере	башкиры	3,23	1,04	3,235	3	**0,022**	0,023
	казахи	2,95	1,19				
	татары	3,29	0,99				
	якуты	3,42	0,98				
22. В среднем женщин следует рассматривать как менее способных вносить вклад в экономическое производство, чем мужчин	башкиры	3,12	1,10	3,822	3	**0,010**	0,027
	казахи	2,84	1,13				
	татары	3,26	1,03				
	якуты	3,26	0,96				

Примечания к таблице: SD — стандартное отклонение, df — степень свободы, p — достоверность (NS — не значимо), Eta² — эффективный размер

Для женщин выявлено больше этнических различий, они наблюдались по 11 вопросам (см. табл. 2). У якуток считалось более приемлемым непринужденное вербальное общение, когда женщины позволяют себе рассказывать непристойные анекдоты наравне с мужчинами. Больше всех против этого возражали башкирки. Казашки и татарки заняли среднюю позицию. Якутки также чаще других считали, что мужчины должны наравне с женщинами нести бремя домашних забот, тогда как самыми патриархальными в данном вопросе были казашки. Татарки и якутки чаще других считали оскорбительным проявление мужского доминирования в семье

и необходимость «повиноваться» мужу, казашки были более терпимы в данном вопросе. Также татарки и якутки полагали, что при назначении на работу и в карьере необходимо учитывать реальные заслуги работника независимо от пола, меньше всех с этим утверждением соглашались казашки. Якутки (так же, как и мужчины-якуты) и казашки (в отличие от мужчин-казахов) чаще других считали, что женщины, зарабатывающие столько же, сколько их партнеры, должны в равной степени нести расходы, когда они встречаются; башкирки были меньше всех согласны с этим. Татарки, якутки и башкирки чаще не соглашались с тем, что женщина не должна ожидать, что будет иметь такую же свободу действий, как и мужчина, тогда как казашки снова были самыми традиционными и патриархально ориентированными в своих ответах. Якутки и татарки чаще ратовали за то, что женщина может работать на «мужских» должностях, казашки в очередной раз оказались на другом полюсе в своих ответах. Татарки и якутки были наиболее терпимы к добрачному сексу, казашки чаще других выступали против него. Татарки, якутки и башкирки по сравнению с казашками чаще считали, что закон не должен отдавать предпочтение мужу перед женой в распоряжении семейным имуществом или доходом. Якутки и, в меньшей степени, татарки и башкирки полагали, что женщина может строить карьеру, а не только заниматься детьми и домашними делами. Среди казашек такие ответы встречались существенно реже. Татарки и якутки чаще рассматривали женщин как индивидов, способных вносить вклад в экономическое производство наравне с мужчинами. Казашки и в этом вопросе оказались наиболее «традиционными» (см. табл. 2).

Обобщая полученные данные, следует отметить, что значимые ответы распределились таким образом: якутки и татарки наиболее феминистски настроены в вопросах равенства полов, башкирки занимают чуть более умеренную позицию, в целом близкую к татаркам, казашки значительно более патриархальны в своих взглядах.

Исследователь этнической истории и социальных проблем якутов Д. Г. Брагина отмечает, что в результате массового колхозного движения в первой половине XX в. многие традиционные формы жизнедеятельности якутов трансформировались. В этот период для якутских семейно-брачных отношений характерными чертами стали равноправие мужчин и женщин и браки по взаимному согласию (Брагина 2021). Тенденцией последнего десятилетия XX в. и начала XXI в. является многообразие форм семейной жизни среди якутов. Несмотря на то что традиционно главой семьи был мужчина, появляется все больше семей, официально возглавляемых женщинами, особенно это характерно для неполных семей. Сельская жизнь с тяжелой физической работой изначально предполагает половое разделение труда, однако в настоящее время среди якутских сельских мужчин не считается предосудительной помощь жене в домашних

делах, мужчины активно вовлечены в уход и воспитание детей (Брагина 2021). Данные Д. Г. Брагиной частично объясняют наши выводы о большем равноправии между полами у якутов. К сожалению, на фоне трансформации традиционных ролевых мужских и женских моделей в Республике Саха (Якутия) также наблюдаются и «рост безработицы среди мужчин, феминизация социальных сторон жизни, нарушения прав ребенка, а на почве алкоголизации, в том числе и среди женщин, ...рост числа адюльтера, разводов, вдовства» (Брагина 2021: 63). При этом среди татар важную роль в стремлении молодежи к равноправию между полами, вероятно, играет эффект большого города, такого как Казань, с его исторически высоким уровнем толерантности к разным традициям и религиям, города, являющегося фактически центром науки и образования всего Поволжья и населенного огромным количеством молодежи (студенчества) из разных уголков страны.

Более традиционный взгляд казахов в целом и казашек в частности также может быть обусловлен разными факторами. Традиционно казахская культура подразумевала патриархальные отношения с высоким статусом матери в семье (Джумагалиева, Акмамбетова 2021). Исследователи отмечают, что в сравнении с положением женщин из других среднеазиатских республик казашки были более свободны в принятии некоторых решений, часто советовали мужу, во многих семьях принимали решения коллегиально. Важным фактором, закрепляющим место женщины в семейно-бытовой жизни, являлось то, что именно женщины были связующим звеном в поддержании и укреплении семейно-родственных связей (Джумагалиева, Акмамбетова 2021). Казахские исследователи, однако, отмечают, что патриархальность в казахской семье сохраняется и по сей день, очевиднее всего это выражено в уважении, которое предписано проявлять женщинам по отношению к мужчинам любого возраста. В условиях современной гендерной политики позиция казашек меняется, они становятся более свободны и независимы, несмотря на то что мужчины-казахи выступают против их участия в политической и социальной сферах. Современные процессы трансформации казахского общества обусловлены двумя основными тенденциями: с одной стороны, участие женщин в общественно-политической и социально-экономической жизни страны расширяется, с другой стороны, особую роль играет сохранение исторической памяти — именно женщины являются носительницами и хранительницами традиций своего народа, транслируя их в своих семьях и при воспитании детей (Джумагалиева, Акмамбетова 2021; Стасевич 2011).

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА РАВЕНСТВО ПОЛОВ

Важным фактором при формировании этнического самосознания в целом и представлений о мужских и женских ролях в семье и обществе

в частности является религия. Зачастую развитие этноса, наряду с другими факторами, опирается на религиозные ценности, сохраняющиеся в самой этнической культуре (Акаев, Мамадиева 2023). В современном обществе религиозная принадлежность продолжает воздействовать на статус женщины в обществе. Большинство представителей тюркоязычных народов являются мусульманами, но среди них есть и православные (например, татары, как в нашей выборке). Среди наших респондентов как мусульмане определили себя 95% казахов, 67% башкир, 34% татар. Больше всего православных было среди татар (36%), далее следовали башкиры (9%) и якуты (7%). Среди якутов половина респондентов (50%) ответили, что придерживаются традиционных языческих верований. Больше всего атеистов также было среди якутов (42%), у татар — 27%, у башкир — 24%, меньше всего — среди казахов (4%). Таким образом, самой монорелигиозной группой в нашей выборке были казахи. Исследователи отмечают, что в казахском обществе позиции ислама в отношении женщины были намного слабее, чем в других регионах Средней Азии (Шаханова 1998). При этом в нашей выборке казахи представляют собой мусульманское большинство, и надо полагать, что взгляды исламской традиции на устоявшиеся роли мужчин и женщин в семье и обществе проявляются у них более заметно, чем в других трех группах.

В данном исследовании нас в первую очередь интересовало, как представления относительно мужских и женских ролей будут отличаться у респондентов, классифицирующих себя как приверженцев какой-либо религии (т. е. религиозно ориентированных) независимо от вида религии, в противовес атеистам (неверующим). На представленном рис. 3 показано, что респонденты, считающие себя атеистами, демонстрировали в своих ответах наиболее радикальное соответствие своих взглядов идеалам равенства полов. Далее в порядке убывания следовали буддисты (их было всего по 1% у татар и якутов, так что данный результат носит незначимый характер) и язычники (якуты). Православие и особенно ислам отражали наиболее традиционные в вопросах равенства между полами установки и тяготели к более патриархальным устоям (рис. 3, *а*). Схожие результаты были получены нами и на славянской выборке, представленной русскими, белорусами и болгарами, — принадлежность респондента к одной из конфессий свидетельствовала о его умеренной позиции в отношении проблемы равенства полов, при этом меньшие значения переменной (т. е. наиболее традиционные установки) наблюдались в группе мусульман, а атеисты демонстрировали в своих ответах наиболее радикальное соответствие своих взглядов идеалам равенства между полами (Семенова и др. 2025).

Если говорить о разделении результатов взаимозависимости фактора «Равенство полов» и религиозной принадлежности по полу, следует отметить, что мужчины показали более однообразные ответы: мусульмане

были наиболее традиционны в своих взглядах, далее следовали православные мужчины, самыми феминистскими взглядами обладали атеисты (рис. 3, *b*). Однако среди язычников-мужчин было также довольно много респондентов с традиционными взглядами, хотя плотность распределения по данному признаку сильно варьировала от низких до высоких баллов, но с большим скосом к традиционности.

У женщин наблюдались более разнообразные тенденции: самых патриархальных взглядов придерживались мусульманки, далее шли православные женщины, наиболее феминистские позиции занимали атеистки. Женщины-язычницы стояли на средних позициях, тяготея к большим значениям равноправия между полами, однако на представленном рисунке у данной группы выделяются два «горба», свидетельствующие о двойном распределении ответов, что говорит о существовании двух подгрупп в этой когорте — приверженцев более традиционных и более феминистских взглядов (рис. 3, *c*).

Исследования, проведенные в других странах, также указывают на то, что в государствах с мусульманским большинством чаще возникают проблемы гендерного неравенства (Metcalfe 2008). Однако этот вопрос не так прост и является предметом дискуссий (Koburtay et al. 2020). Феминистская теория религии предполагает, что женщины в арабском мире (на Ближнем Востоке) сталкиваются с проблемами, усугубляемыми патриархальной (племенной) природой их культуры и неверным толкованием учений ислама (Tlaiss 2015), усиливаемыми возрождением «определенных доисламских обычаев» (Jawad 1998). Ряд исследователей утверждают, что по крайней мере некоторые из гендерных стереотипов возникают из-за традиций, которые воспринимаются как исламские, хотя таковыми не являются (Mehar 2003). Более того, некоторые отмечают, что ислам во многом способствовал улучшению положения женщин в Древней Аравии (Akhmetova 2016). Исламская феминистская теория предполагает, что ислам освобождает женщин от экономической ответственности, что прямо противоположно положению мужчин, которые обязаны содержать свои семьи. Учитывая, что женщины не обязаны (по религиозному долгу) содержать свои семьи в финансовом отношении, им с меньшей вероятностью приходится искать оплачиваемую работу (Syed et al. 2014), и, таким образом, более низкое положение в карьерной лестнице связано скорее с личным выбором женщины, а не с ограничениями. Кроме того, отмечается, что исламские тексты призывают людей избегать гендерной дискриминации и неравенства, не делают различий между мужчинами и женщинами ни с точки зрения работы, ни с точки зрения социального разделения труда (Barlas 2001), и поэтому к обоим полам следует «относиться по-разному, а не неравноправно» (Metcalfe 2008: 91; Koburtay et al. 2020). Однако, несмотря на исламские учения о гендерной справедливости, в мусульманских

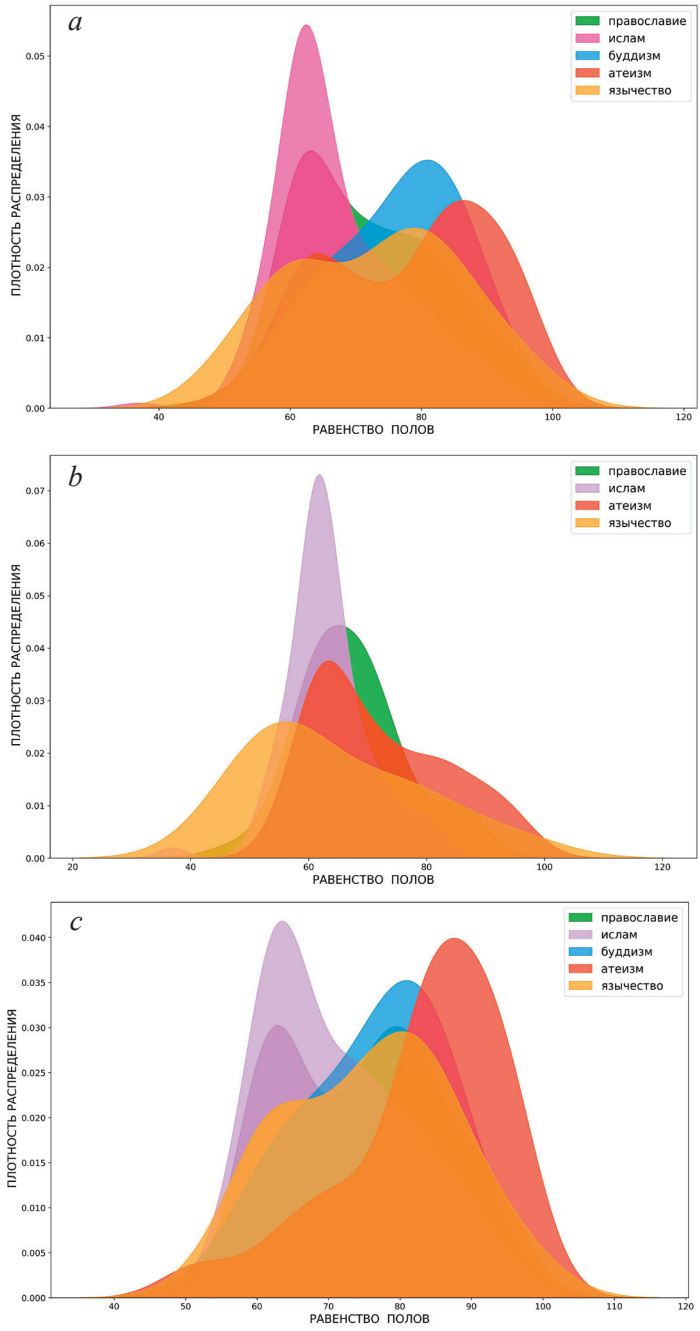

Рис. 3. Гистограмма распределения значений фактора «Равенство полов» в разных религиозных группах: *a* — в целом у мужчин и женщин; *b* — у мужчин; *c* — у женщин

Fig. 3. Distribution of "Gender Equality" scores across religious groups: *a* — in general, for men and women; *b* — men; *c* — women

странах продолжает доминировать патриархальная система в социальных институтах, которые поддерживают строго определенные гендерные роли (Koburtay et al. 2020).

Исследователи на постсоветском пространстве указывают, что в республиках Центральной Азии наблюдается религиозный ренессанс, прежде всего это касается ислама. Так, в Казахстане мусульманские нормы более всего утверждаются в Карагандинской, Акмолинской и Северо-Казахстанской областях (Кусаинов, Аюпова 2022). Региональные особенности возрождения исламских религиозных практик и география мест проживания наших респондентов также оказали влияние на результаты: в нашей выборке самыми патриархальными взглядами обладали именно казахи. Отдельно стоит отметить, что наши данные получены в южной части Казахстана. Вполне вероятно, что на севере будут иные результаты, однако для этого требуется отдельное исследование.

Некоторые авторы отмечают влияние тенгрианства на религиозное мировоззрение тюркских народов (Бегалинова 2019). По сравнению с исламом для него в гораздо большей степени характерны идеи о гендерном равенстве. В нашей выборке почти половина якутов продолжают в той или иной степени практиковать данный традиционный культ, что (наряду с другими факторами) может объяснять их более феминистские взгляды. Подобные тенденции характерны и для других тюркских народов: при тенгрианской религии (которую утратили в том числе татары и башкиры) женщина занимала более высокое место в обществе и была активным участником общественной жизни (Жаркимбаева 2017). Именно ислам трансформировал статус женщины в казахском социуме, в результате чего казахские женщины из активной части общества стали пассивным субъектом социальных взаимодействий, а отношения между мужчинами и женщинами обрели асимметричные очертания (Жаркимбаева 2017; Кусаинов, Аюпова 2022).

ВЛИЯНИЕ МЕСТА, ГДЕ ПРОШЛИ ДЕТСТВО И ЮНОШЕСТВО, НА ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО

Одним из факторов, влияющих на представления о мужских и женских ролях, оказалось место, где большую часть детства и юношества (до 18 лет) провел респондент. В нашей выборке значительная часть опрошенных указала, что жила до 18 лет в деревне (см. табл. 1). Деревенские жители имели более низкие нагрузки по фактору «Равенство полов», что говорит об их большей традиционности по сравнению с теми, кто вырос в городе (рис. 4, *а*). Данная зависимость наблюдалась во всех четырех этнических группах: у башкир (средние значения «город» — 70,33 и средние значения «деревня» — 64,97; $t = 2{,}959$; $p < 0{,}004$), казахов (средние значения «город» — 67,56 и средние значения «деревня» — 65,57;

$t = 2{,}035$; $p < 0{,}043$), татар (средние значения «город» — 73,62 и средние значения «деревня» — 70,31; $t = 2{,}139$; $p < 0{,}031$), якутов (средние значения «город» — 81,71 и средние значения «деревня» — 74,53; $t = 3{,}277$; $p < 0{,}001$) (рис. 4, *a*). Отдельно отметим, что среди якутов превалировало количество деревенских жителей (имеется в виду проживание в возрасте до 18 лет). Основная масса якутов до сих пор живет преимущественно в сельских улусах (Брагина 2021).

Разница между городом и деревней также была значима как для мужчин (средние значения «город» — 67,26 и средние значения «деревня» — 63,85; $t = 3{,}838$; $p < 0{,}001$), так и для женщин (средние значения «город» — 76,09 и средние значения «деревня» — 72,60; $t = 3{,}323$; $p < 0{,}001$). В обоих случаях (как в городе, так и в деревне) женщины показывали более феминистски ориентированные взгляды. Кроме того, у мужчин различия были более однородные: горожане имели чуть более высокие показатели гендерного равенства, чем деревенские жители (рис. 4, *b*). У женщин наблюдались разнообразные тенденции: сельские жительницы были более традиционны в своих взглядах, тогда как среди горожанок выделились две группы — феминистски настроенные и более традиционные женщины (ср. два «горба» на гистограмме) (рис. 4, *c*).

ВЛИЯНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ НА ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО

С целью исследования направления связи между уровнем тревожности респондентов и фактором «Равенство полов» был проведен регрессионный анализ для мужчин и женщин по отдельности. Полученные данные показывают, что значимая связь наблюдается как для мужчин ($B = 0{,}212$; $SE = 0{,}089$; $t = 2{,}386$; $p = 0{,}018$), так и для женщин ($B = 0{,}312$; $SE = 0{,}105$; $t = 2{,}983$; $p = 0{,}003$) (рис. 5). Уровень тревожности в целом был выше у женщин, что характерно для подавляющего большинства исследованных популяций (см., например: Burkova et al. 2021).

Таким образом, можно сделать вывод, что респонденты, ценности которых тяготеют к более феминистскому взгляду на равенство полов, имеют более высокие баллы по личной тревожности, тогда как респонденты с более традиционными взглядами менее склонны к тревожности. При этом самыми тревожными были якуты (средний балл у мужчин — 14,55, у женщин — 12,15), далее следовали казахи (мужчины — 11,69; женщины — 10,35) и башкиры (мужчины — 3,05; женщины — 5,29). Среди представителей татарской группы нам не удалось собрать эти данные. Стоит отметить, что именно в Якутии взгляды на равенство полов были наиболее профеминистские как у мужчин, так и у женщин. По всей видимости, здесь сложнее переживают трансформацию традиционных нравственных ценностей в обществе, одним из проявлений которой выступает идея равенства полов, связанная с тем, что женщина-якутка, исполняя

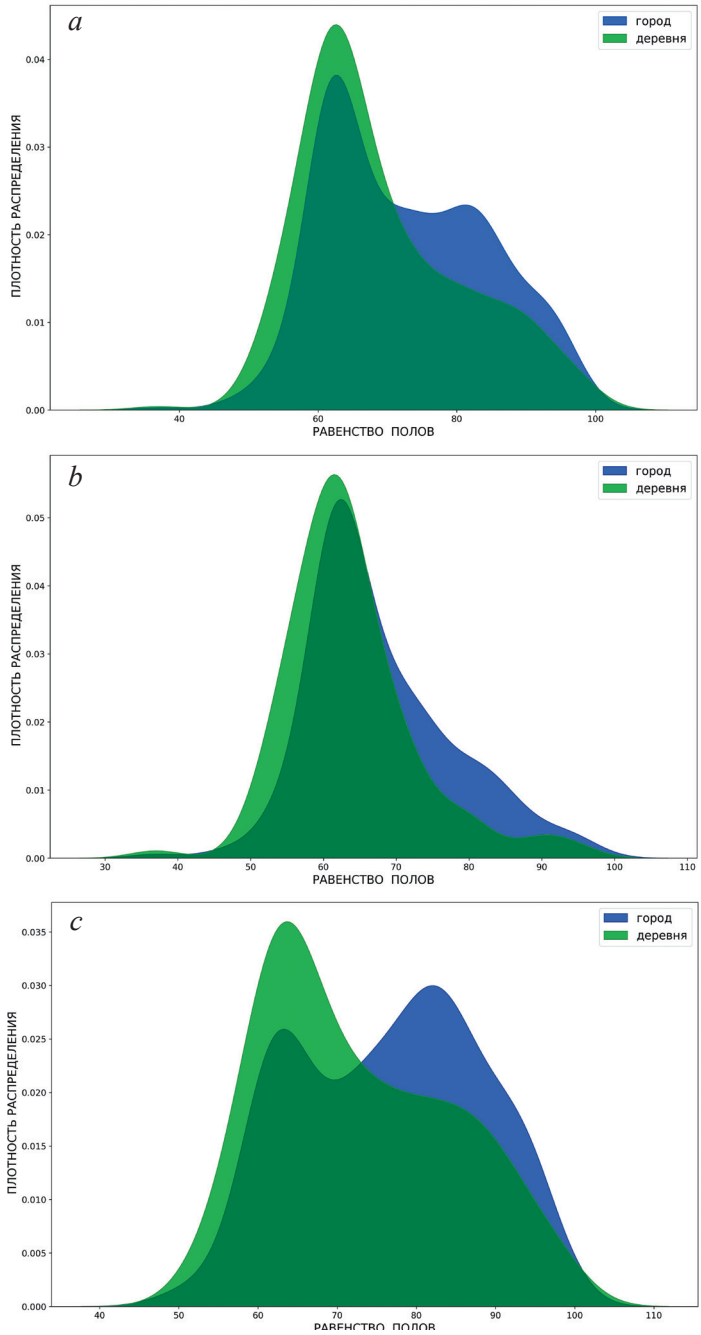

Рис. 4. Гистограмма распределения значений фактора «Равенство полов» в зависимости от места проживания до 18 лет: *a* — в целом у мужчин и женщин; *b* — у мужчин; *c* — у женщин

Fig. 4. Distribution of “Gender equality” scores by childhood place of residence (before age 18): *a* — in general, for men and women; *b* — men; *c* — women

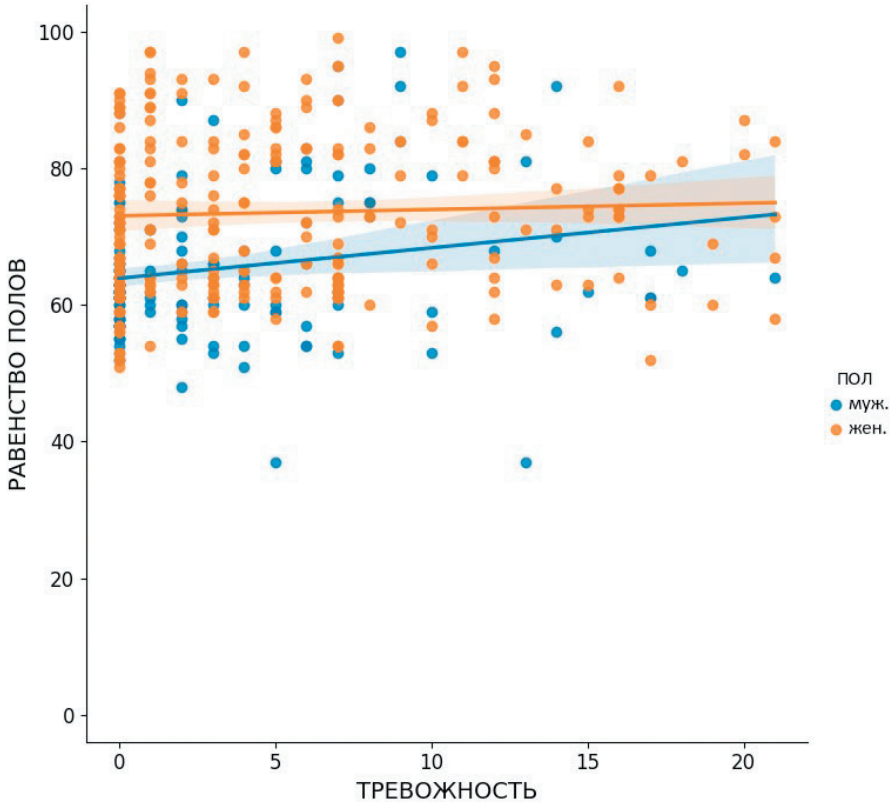

Рис. 5. Взаимосвязь уровня тревожности и фактора «Равенство полов»

Fig. 5. Relationship between anxiety levels and “Gender equality” scores

исконно мужские роли, является сегодня таким же «добытчиком» и «кормильцем» в семье, как и мужчина, а порой и единственным, в отличие от мусульманских женщин. Исследования, проведенные в западных обществах, показали, что на фоне успехов движений за расовое и гендерное равенство мужчины сталкиваются с кризисом мужественности, что приводит к повышению агрессивности и тревожности (Pease 2020). Связь между мужскими тревогами и социальными изменениями в западном обществе частично обусловлена нарушениями традиционных для мужчин устоев и норм межгендерного взаимодействия, а также тем, насколько сильно мужчины привержены последним (Rubin et al. 2020).

На гистограмме распределения частот переменной «Равенство полов» (рис. 6) также хорошо выражена наблюдаемая тенденция — респонденты с минимальными уровнями тревожности сосредоточены в более традиционной зоне по вопросу равенства между полами (слева),

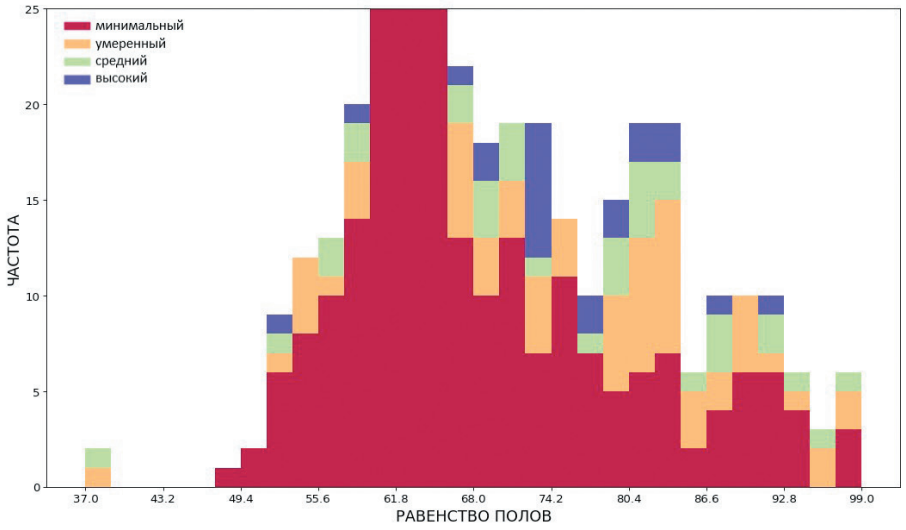

Рис. 6. Взаимосвязь уровней тревожности и фактора «Равенство полов»

Fig. 6. Relationship between anxiety levels and “Gender equality” scores

тогда как средние и высокие уровни тревожности тяготеют к феминистскому полюсу (значения справа).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье проведена сравнительная оценка представлений о мужских и женских ролях в общественной жизни и в семье у молодого поколения четырех тюркских народов — башкир, казахов, татар и якутов. Полученные результаты показывают, что наибольшее влияние на фактор гендерного равенства (равенства полов) оказывает половая принадлежность: по всем вопросам женщины демонстрируют более профеминистские взгляды, чем мужчины. Данный фактор (пол) влияет на представления о равенстве полов и в ассоциации с религией, местом проживания до 18 лет и уровнем личной тревожности.

Наиболее традиционными в нашей выборке оказались молодые казахи (как мужчины, так и женщины), а представления о гендерном равенстве нашли большее подтверждение в якутской выборке. Татары и башкиры в целом занимали средние позиции. Данное распределение сильно зависело от религиозной принадлежности: наиболее традиционными взглядами обладали мусульмане, далее следовали православные, самые профеминистские ответы были получены от атеистов. Поскольку казахи составляли наиболее монорелигиозную группу (92 % — мусульмане), неудивительно, что они оказались самыми традиционными во

взглядах на равенство полов. Важным фактором было место проживания до 18 лет: городские жители имели более профеминистские взгляды, чем деревенские.

Отдельно стоит отметить наблюдаемую связь между уровнем тревожности и фактором гендерного равенства, более отчетливо выраженную у мужчин: респонденты с минимальными уровнями тревожности придерживались более традиционных взглядов (наименьшие баллы по тревожности наблюдались у казахов), тогда как средний и высокий уровни тревожности демонстрировали мужчины с феминистскими взглядами (наибольшие значения у якутов). Данный результат может указывать на то, что изменения и перестройка традиционных взглядов несут в себе потенциальные риски для психологического здоровья, особенно у мужчин. Важно отметить, что данные получены среди молодых людей, в основном студентов. Таким образом, результаты можно экстраполировать на молодежную среду в целом. Однако среди людей более старшего возраста результаты могут быть иными. Такое сопоставление требует отдельного исследования.

Следует отметить также следующие ограничивающие обстоятельства. Работа была проведена среди студентов, так что полученные данные, как было отмечено выше, не могут быть экстраполированы на другие возрастные когорты. Также на результаты мог повлиять размер города, в котором проходило исследование: возможно, поведение молодежи из крупных городов (Казани, Уфы) может иметь дополнительные отличия по сравнению с населением городов средней величины (Якутска, Кызылорды). Однако факт отсутствия (например, в Якутии) других крупных городов затрудняет проверку этой гипотезы. Как упоминалось выше, некоторые вопросы вызывает и большое количество православных в группе татар из Казани.

Полученные данные подтверждают, что возрождение традиционных семейных ценностей не сопровождается возвратом к ролевым моделям, в которых мужчины занимают доминирующие позиции в общественной жизни, а женщины полностью вытесняются в сферу приватной. В исследованных группах наблюдается довольно сильный потенциал традиционализма в полоролевых отношениях и семейно-брачной сфере, однако представления о мужских и женских ролях характеризуются и определенной гендерной симметрией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акаев В. Х., Мамадиева М. Х. Взаимоотношения этнической культуры и религии: общие и особенные аспекты // Dövlət və Din. 2023. № 2 (76). S. 33–39.

Башкиры / отв. ред. Е. С. Данилко, Р. Г. Кузеев, К. И. Абрамичева. М.: Наука, 2015. 662 с.

Бегалинова К. К. Ислам и православие в поликонфессиональном Казахстане: учеб. пособие. Алматы: КазНУ, 2019. 189 с.

Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура / под общ. ред. Р. М. Юсупова. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. 248 с.

Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // Общество и гендер: материалы летней школы в г. Рязани, 1–12 июля 2003 г. Рязань: Поверенный, 2003. С. 11–13.

Брагина Д. Г. О проблеме отцовства в современной якутской семье // The Scientific Heritage. 2021. Vol. 3, № 75 (75). P. 62–64.

Бутовская М. Л. Антропология пола. М.: Век-2, 2013. 256 с.

Гусева Ю. Е. Влияние социально-исторических изменений в обществе на трансформацию гендерных представлений в популярной прессе: дис. … канд. психол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2007.

Джумагалиева К. В., Акмамбетова М. Е. Положение женщины в казахском обществе в исторической ретроспективе // Современная образовательная среда: теория и практика / сост. М. Е. Акмамбетова. Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2021. С. 205–208.

Жаркимбаева Д. Б. О роли религии в формировании гендерных отношений и гендерного сознания: тенгрианство и ислам // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 4 (400). С. 39–42.

Казахи / отв. ред. С. Е. Ажигали, О. Б. Наумова, И. В. Октябрьская. М.: Наука, 2021. 846 с.

Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 403 с.

Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 47–57.

Кусаинов Д. У., Аюпова З. К. Религиозные представления тюркских народов Центральной Азии о месте женщины в исламе // Ислам в России: история, культура, экономика: XI Междунар. тюркологическая конф. / отв. ред. А. З. Нигамаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2022. С. 20–23.

Пушкарева Н. Л., Большакова О. В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 1. С. 318–328.

Семенова О. В., Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Ермаков А. М., Каспарова Е. Н., Калиниченко О. В., Стоянова С. Мужские и женские роли в представлении белорусов, болгар и русских // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 10, № 1 (37). С. 120–149.

Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.

Татары / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, В. В. Трепавлов, Р. К. Уразманова. М.: Наука, 2024. 799 с.

Терелецкова Е. В. Роль гендерного фактора в разводах: демографические и социальные аспекты (на данных исследований в Башкортостане): дис. ... канд. социол. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2007. 160 с.

Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы: Қазакстан, 1998. 175 с.

Якуты Саха / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова М.: Наука, 2024. 599 с.

Akhmetova E. Women in Islamic Civilisation: Their Rights and Contributions // Islam and Civilisational Renewal. 2016. Vol. 7, iss. 4. P. 474–491.

Barlas A. Muslim women and sexual oppression: Reading liberation from the Quran // Macalester International. 2001. Vol. 10. P. 117–146.

Bell A. C., Burkley M. 'Women Like me are Bad at Math': The Psychological Functions of Negative Self-Stereotyping // Social and Personality Psychology Compass. 2014. Vol. 8, iss. 12. P. 708–720.

Burkova V. N., Butovskaya M. L., Randall A. K., Fedenok J. N., Ahmadi K., Alghraibeh A. M., Allami F. B. M., Alpaslan F. S., Al-Zu'bi M. A. A., Biçer D. F., et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 countries // Sustainability. 2021. Vol. 13, iss. 7. Article number: 4017.

Connolly F. F., Goossen M., Hjerm M. Does Gender Equality Cause Gender Differences in Values? Reassessing the Gender-Equality Personality Paradox // Sex Roles. 2020. Vol. 83, iss. 1–2. P. 101–113.

Costa Jr P. T., Terracciano A., McCrae R. R. Gender Differences in Personality Traits across Cultures: Robust and Surprising Findings // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81, iss. 2. P. 322–331.

Inglehart R., Norris P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 244 p.

Jawad H. A. The rights of women in Islam: An authentic approach. London: Palgrave Macmillan, 1998. 159 p.

Koburtay T., Syed J., Haloub R. Implications of religion, culture, and legislation for gender equality at work: Qualitative insights from Jordan // Journal of Business Ethics. 2020. Vol. 164, iss. 3. P. 421–436.

Kohlberg L. A. A cognitive developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes // The Development of Sex Differences / ed. by E. E. Maccoby. Stanford: Stanford University Press, 1966. P. 82–173.

Mehar I. A. Al-Islam: Inception to conclusion. Bloomington: AuthorHouse, 2003. 240 p.

Metcalfe B. D. Women, management and globalization in the Middle East // Journal of Business Ethics. 2008. Vol. 83, iss. 1. P. 85–100.

Pease B. The rise of angry white men: Resisting populist masculinity and the backlash against gender equality // The challenge of right-wing nationalist populism for social work / eds by C. Noble, G. Ottmann. London: Routledge, 2020. P. 55–68.

Rubin J. D., Blackwell L., Conley T. D. Fragile masculinity: Men, gender, and online harassment // Proceedings of the 2020th CHI conference on human factors in computing systems / eds by R. Bernhaupt, F. Mueller. New York: Association for Computing Machinery, 2020. P. 1–14.

Sears R. R., Rau L., Alpert R. Identification and Child Rearing. Stanford: Stanford University Press, 1965. 340 p.

Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective // Sustainability. 2021. Vol. 13, iss. 3. Article number: 1110.

Sorokowski P., Kowal M., Sternberg R. J., Aavik T., Akello G., Alhabahba M. M., Alm C., Amjad N., Anjum A., Asao K., Atama C. S., et al. Modernization, collectivism, and gender equality predict love experiences in 45 countries // Scientific reports. 2023. Vol. 13. Article number: 773.

Spence J. T., Helmreich R., Stapp J. A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // Bulletin of the Psychonomic society. 1973. Vol. 2, iss. 4. P. 219–220.

Spitzer R. L., Kroenke K., Williams J. B. W., Löwe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // Archive of Internal Medicine. 2006. Vol. 166, iss. 10. P. 1092–1097.

Syed J., Van Buren I. I. I., Harry J. Global business norms and Islamic views of women's employment // Business Ethics Quarterly. 2014. Vol. 24, iss. 2. P. 251–276.

Tlaiss H. A. How Islamic business ethics impact women entrepreneurs: Insights from four Arab Middle Eastern countries // Journal of Business Ethics. 2015. Vol. 129, iss. 4. P. 859–877.

Zinkina J., Butovskaya M., Shulgin S., Korotayev A. Global Evolutionary Perspectives on Gender Differences in Religiosity, Family, Politics and Pro-Social Values Based on the Data from the World Values Survey // Social Evolution & History. 2024. Vol. 23, no. 1. P. 76–105.

REFERENCES

Akaev V. Kh., Mamadieva M. Kh. [Relationships between ethnic culture and religion: general and specific aspects]. *Dövlət və Din* [State and Religion], 2023, no. 2 (76), pp. 33–39. (In Russian).

Akhmetova E. Women in Islamic Civilisation: Their rights and contributions. *Islam and Civilisational Renewal*, 2016, vol. 7, iss. 4, pp. 474–491. (In English).

Barlas A. Muslim women and sexual oppression: Reading liberation from the Quran. *Macalester International*, 2001, vol. 10, pp. 117–146. (In English).

Bashkiry [The Bashkirs]. Moscow: Nauka Publ., 2015, 662 p. (In Russian).

Begalinova K. K. *Islam i pravoslavie v polikonfessional'nom Kazakhstane: uchebnoe posobie* [Islam and Orthodoxy in multi-confessional Kazakhstan: a textbook]. Almaty: Izdatel'stvo "Kazakhskiy universitet" Publ., 2019, 189 p. (In Russian).

Bell A. C., Burkley M. 'Women like me are Bad at Math': The psychological functions of negative self-stereotyping. *Social and personality psychology compass*, 2014, vol. 8, iss. 12, pp. 708–720. (In English).

Bikbulatov N. V., Yusupov R. M., Shitova S. N., Fatykhova F. F. *Bashkiry: etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura* [The Bashkirs: Ethnic history and traditional culture]. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 2002, 248 p. (In Russian).

Blokhina N. A. [The concept of gender: formation, basic concepts and ideas]. *Obshchestvo i gender* [Society and Gender]. Ryazan': Poverennyy Publ., 2003, pp. 11–13. (In Russian).

Bragina D. G. [On the problem of fatherhood in a modern Yakut family]. *The Scientific Heritage*, 2021, Vol. 3, no. 75 (75), pp. 62–64. (In Russian).

Burkova V. N. Butovskaya M. L., Randall A. K., Fedenok J. N., Ahmadi K., Alghraibeh A. M., Allami F. B. M., Alpaslan F. S., Al-Zu'bi M. A. A., Biçer D. F., et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 countries. *Sustainability,* 2021, vol. 13, iss. 7, article number: 4017. (In English).

Butovskaia M. L. *Antropologiia pola* [Anthropology of Gender]. Moscow: Vek-2 Publ., 2013, 256 p. (In Russian).

Connolly F. F., Goossen M., Hjerm M. Does gender equality cause gender differences in values? Reassessing the gender-equality personality paradox. *Sex Roles*, 2020, vol. 83, iss. 1–2, pp. 101–113. (In English).

Costa Jr P. T., Terracciano A., McCrae R. R. Gender differences in personality traits across cultures: Robust and surprising findings. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 81, iss. 2, pp. 322–331. (In English).

Dzhumagalieva K. V., Akmambetova M. E. [The position of women in Kazakh society in historical retrospect]. *Sovremennaya obrazovatel'naya sreda: teoriya i praktika* [Modern educational environment: theory and practice]. Astrakhan: Izdatel'skiy dom "Astrakhanskiy universitet" Publ., 2021, pp. 205–208. (In Russian).

Guseva Y. E. *Vliyaniye sotsial'no-istoricheskikh izmeneniy v obshchestve na transformatsiyu gendernykh predstavleniy v populyarnoy presse: kand. dis.* [The influence of socio-historical changes in society on the transformation of gender representations in the popular press: diss. cand.]. St. Petersburg, 2007. (In Russian).

Inglehart R., Norris P. *Rising tide: Gender equality and cultural change around the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 244 p. (In English).

Jawad H. A. *The rights of women in Islam: An authentic approach*. Landon: Palgrave Macmillan Publ., 1998, 159 p. (In English).

Kazakhi [The Kazakhs]. Moscow: Nauka Publ., 2021, 846 p. (In Russian).

Kletsina I. S. *Psikhologiya gendernykh otnosheniy: teoriya i praktika* [Psychology of gender relations: theory and practice]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2004, 403 p. (In Russian).

Koburtay T., Syed J., Haloub R. Implications of religion, culture, and legislation for gender equality at work: Qualitative insights from Jordan. *Journal of Business Ethics*, 2020, vol. 164, iss. 3, pp. 421–436. (In English).

Kohlberg L. A. A cognitive developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes. *The Development of Sex Differences*. Stanford: Stanford University Press, 1966, pp. 82–173. (In English).

Kon I. S. [Psychology of sex differences]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1981, no. 2, pp. 47–57. (In Russian).

Kusainov D. U., Ayupova Z. K. [Religious beliefs of the Turkic peoples of Central Asia about the place of women in Islam]. *Islam v Rossii: istoriya, kul'tura, ekonomika* [Islam in Russia: history, culture, economics]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 2022, pp. 20–23. (In Russian).

Mehar I. A. *Al-Islam: Inception to conclusion*. Bloomington: AuthorHouse Publ., 2003, 240 p. (In English).

Metcalfe B. D. Women, management and globalization in the Middle East. *Journal of Business Ethics*, 2008, vol. 83, iss. 1, pp. 85–100. (In English).

Pease B. The rise of angry white men: Resisting populist masculinity and the backlash against gender equality. *The challenge of right-wing nationalist populism for social work*. London: Routledge, 2020, pp. 55–68. (In English).

Pushkareva N. L., Bolshakova O. V. [Gender studies of the Russian twentieth century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2020, vol. 65, iss. 1, pp. 318–328. (In Russian).

Rubin J. D., Blackwell L, Conley T. D. Fragile masculinity: Men, gender, and online harassment. *Proceedings of the 2020th CHI conference on human factors in computing systems*. New York: Association for Computing Machinery, 2020, pp. 1–14. (In English).

Sears R. R., Rau L., Alpert R. *Identification and child rearing*. Stanford: Stanford University Press, 1965, 340 p. (In English).

Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective. *Sustainability*, 2021, vol. 13, iss. 3, article number: 1110. (In English).

Semenova O. V., Burkova V. N., Butovskaya M. L., Ermakov A. M., Kasparova E. N., Kalinichenko O. V., Stoyanova S. [Male and female roles in the perception of Belarusians, Bulgarians and Russians]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2025, vol. 10, no. 1 (37), pp. 120–149. (In Russian).

Shakhanova N. Zh. *Mir traditsionnoy kul'tury kazakhov (etnograficheskiye ocherki)* [The world of traditional culture of the Kazakhs (ethnographic essays)]. Almaty: Kazakstan Publ., 1998, 175 p. (In Russian).

Sorokowski P., Kowal M., Sternberg R. J., Aavik T., Akello G., Alhabahba M. M., Alm C., Amjad N., Anjum A., Asao K., Atama C. S., et al. Modernization, collectivism, and gender equality predict love experiences in 45 countries. *Scientific reports*, 2023, vol. 13, article number: 773. (In English).

Spence J. T., Helmreich R., Stapp J. A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS). *Bulletin of the Psychonomic society*, 1973, vol. 2, iss. 4, pp. 219–220. (In English).

Spitzer R. L., Kroenke K., Williams J. B. W., Löwe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder. *Archive of Internal Medicine*, 2006, vol. 166, iss. 10, pp. 1092–1097. (In English).

Stasevich I. V. *Sotsial'nyy status zhenshchiny u kazakhov: traditsii i sovremennost'* [Social status of women among Kazakhs: traditions and modernity]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011, 202 p. (In Russian).

Syed J., Van Buren I. I. I., Harry J. Global business norms and Islamic views of women's employment. *Business Ethics Quarterly*, 2014, vol. 24, iss. 2, pp. 251–276. (In English).

Tatary [The Tatars]. Moscow: Nauka Publ., 2024, 799 p. (In Russian).

Tereletskova E. V. *Rol' gendernogo faktora v razvodakh: demograficheskiye i sotsialnyye aspekty (na dannykh issledovaniy v Bashkortostane): kand. dis.* [The role of the gender factor in divorces: demographic and social aspects (on research data in Bashkortostan): diss. cand.]. Ufa: Bashkir State University, 2007, 160 p. (In Russian).

Tlaiss H. A. How Islamic business ethics impact women entrepreneurs: Insights from four Arab Middle Eastern countries. *Journal of Business Ethics*, 2015, vol. 129, iss. 4, pp. 859–877. (In English).

Yakuty Sakha [The Yakuts Sakha]. Moscow: Nauka Publ., 2024, 599 p. (In Russian).

Zharkimbaeva D. B. [On the role of religion in the formation of gender relations and gender consciousness: Tengrism and Islam]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 4 (400), pp. 39–42. (In Russian).

Zinkina J., Butovskaya M., Shulgin S., Korotayev A. Global evolutionary perspectives on gender differences in religiosity, family, politics and pro-social values based on the data from the world values survey. *Social Evolution & History*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 76–105. (In English).

Submitted: 12.09.2024
Accepted: 13.01.2025
Article published: 01.07.2025